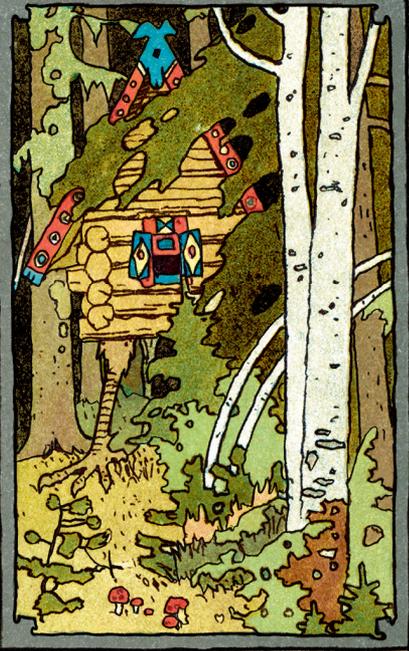

СКАЗКИ

Сказка
Перышко Финиста
Асна-Сокола.

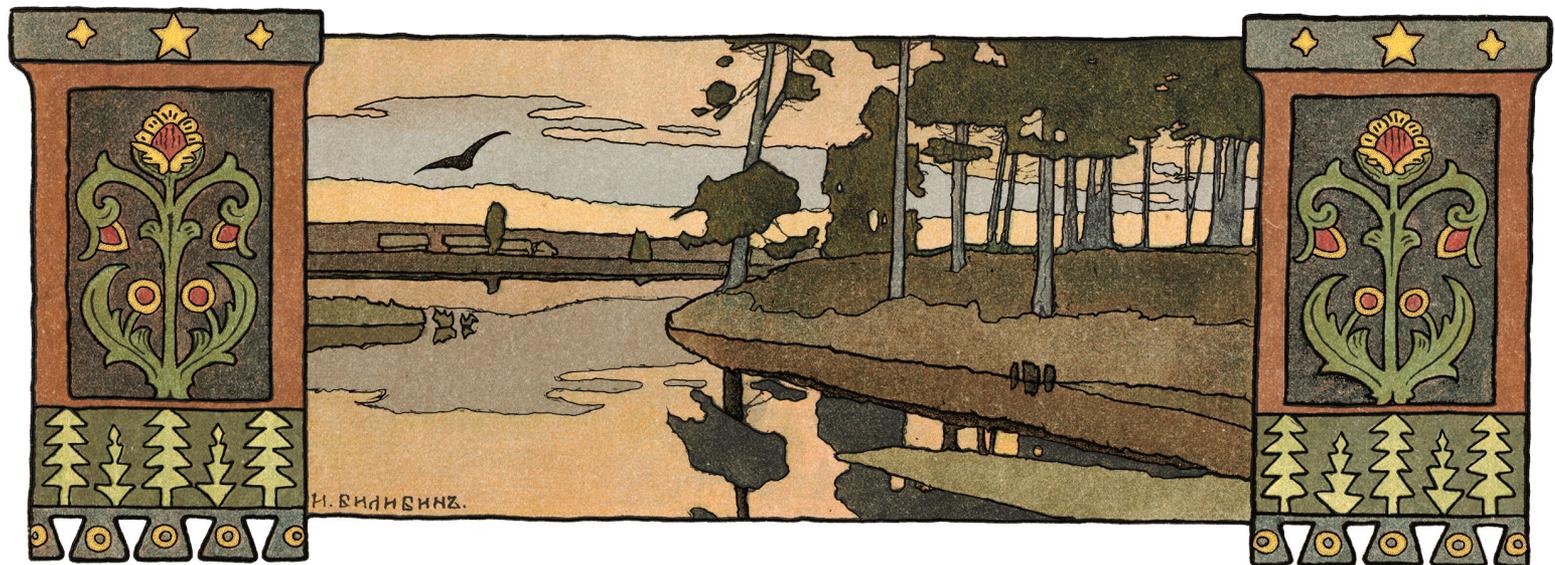

Рисунки
И. А. Билибина.
ЗОЛОТОЙ ВЕК КНИЖНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ

Иван Яковлевич Билибин (1876—1942) — выдающийся русский художник, мастер книжной графики и театрально-декоративного искусства. Особенную популярность завоевали его иллюстрации к русским народным сказкам и былинам, к сказкам А. С. Пушкина, воссоздающие красочный мир отечественной старины и фольклора. Используя декоративные приемы древнерусского и народного искусства (вышивки, лубки, иконы), художник создал свой «билибинский» графический стиль.

А началось все с сотрудничества с Экспедицией заготовления государственных бумаг (ЭЗГБ). Осенью 1899 года 23-летний Иван Билибин принес в Экспедицию иллюстрации к трем народным сказкам. В это время управляющим ЭЗГБ был академик, князь Борис Борисович Голицын. С момента прихода на эту должность он поставил перед собой цель: превратить Экспедицию в учреждение, «которое должно было служить примером подражания для всей бумажной и печатной промышленности России и, кроме того, способствовать культурно-эстетическому развитию народа, выпуская отпечатанные на хорошей бумаге художественно-иллюстрированные издания русских классиков и популярные сочинения по всем отраслям науки». Рисунки к сказкам очень понравились, и после появления трех сказок, печатать которые предложил сам художник, Экспедиция заказала художнику иллюстрации еще к трем народным сказкам и к трем сказкам Пушкина.

Это издание впервые с максимальной точностью воспроизведет книгу «Пёрышко Финиста Ясна-Сокола», опубликованную «Экспедицией заготовления государственных бумаг» в 1902 году.

МЕРЫШКО Финниста Ясна-Вокола.

ил-был старик со старухой. У них было три дочери: большая и средняя — щеголихи, а меньшая только о хозяйстве радела, и была она такая красавица, что ни в сказке сказать, ни пером описать; идет по улице — все парни с нее глаз не сводят, на других девушек и смотреть не хотят.

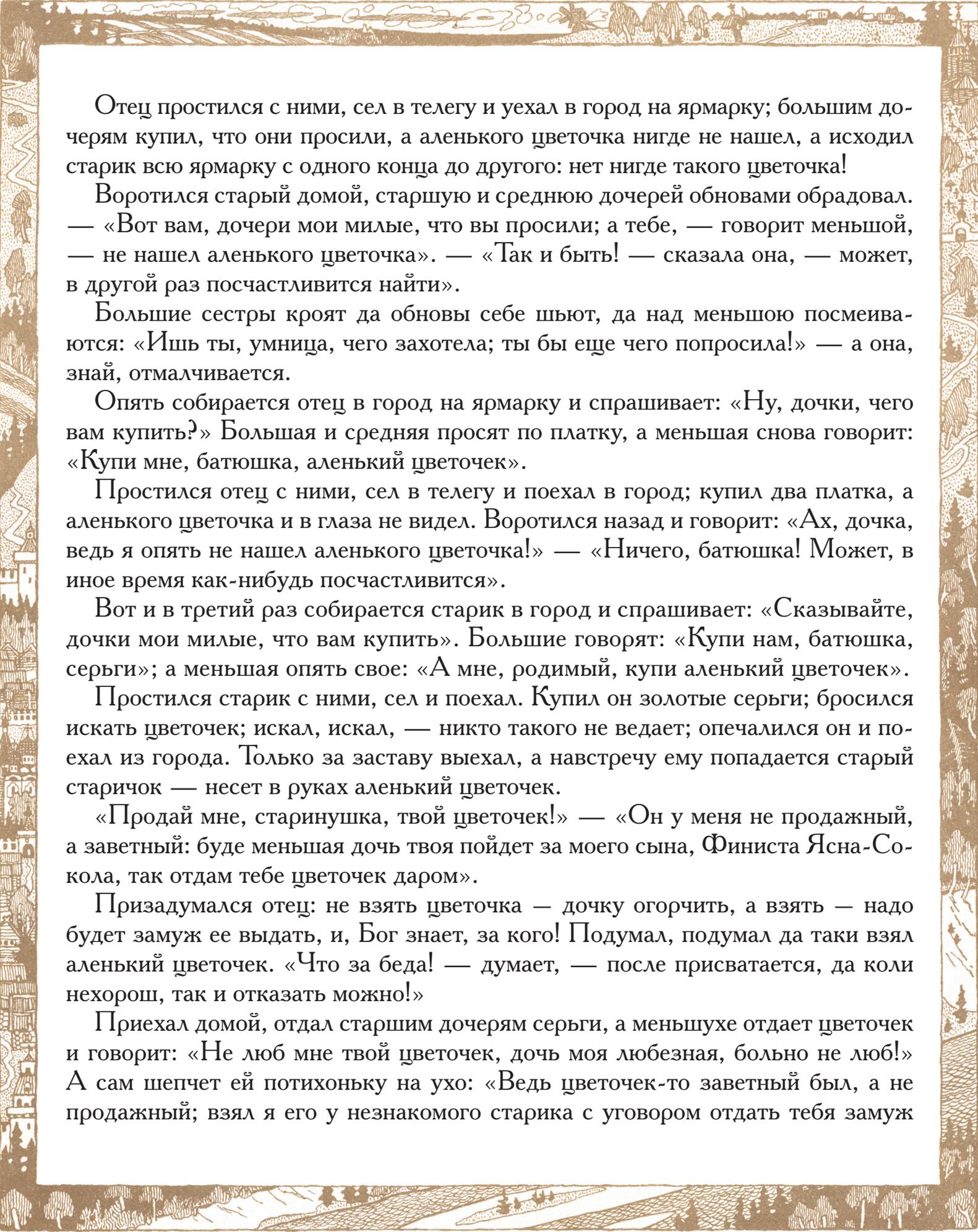
Раз собрался старик в город на ярмарку и спрашивает у своих дочерей, которой что купить.

Большая просит: «Купи мне на сарафан!» И средняя то же говорит. — «А тебе что, дочь моя любимая?» — спрашивает старик у меньшей. — «Купи мне, батюшка, аленький цветочек».

Засмеялся старик над меньшей дочкой. — «Ну, что тебе, — говорит, — глупенькая, в аленьком цветочке? Много ли в нем корысти! Я тебе лучше нарядов накуплю». Только, что ни говорил, никак не мог уговорить ее. — «Купи аленький цветочек» — да и только!

Отец простился с ними, сел в телегу и уехал в город на ярмарку; большим дочерям купил, что они просили, а аленького цветочка нигде не нашел, а исходил старик всю ярмарку с одного конца до другого: нет нигде такого цветочка!

Воротился старый домой, старшую и среднюю дочерей обновками обрадовал. — «Вот вам, дочери мои милые, что вы просили; а тебе, — говорит меньшей, — не нашел аленького цветочка». — «Так и быть! — сказала она, — может, в другой раз посчастливится найти».

Большие сестры кроют да обновы себе шьют, да над меньшей посмеиваются: «Ишь ты, умница, чего захотела; ты бы еще чего попросила!» — а она, знай, отмалчивается.

Опять собирается отец в город на ярмарку и спрашивает: «Ну, дочки, чего вам купить?» Большая и средняя просят по платку, а меньшая снова говорит: «Купи мне, батюшка, аленький цветочек».

Простился отец с ними, сел в телегу и поехал в город; купил два платка, а аленького цветочка и в глаза не видел. Воротился назад и говорит: «Ах, дочка, ведь я опять не нашел аленького цветочка!» — «Ничего, батюшка! Может, в иное время как-нибудь посчастливится».

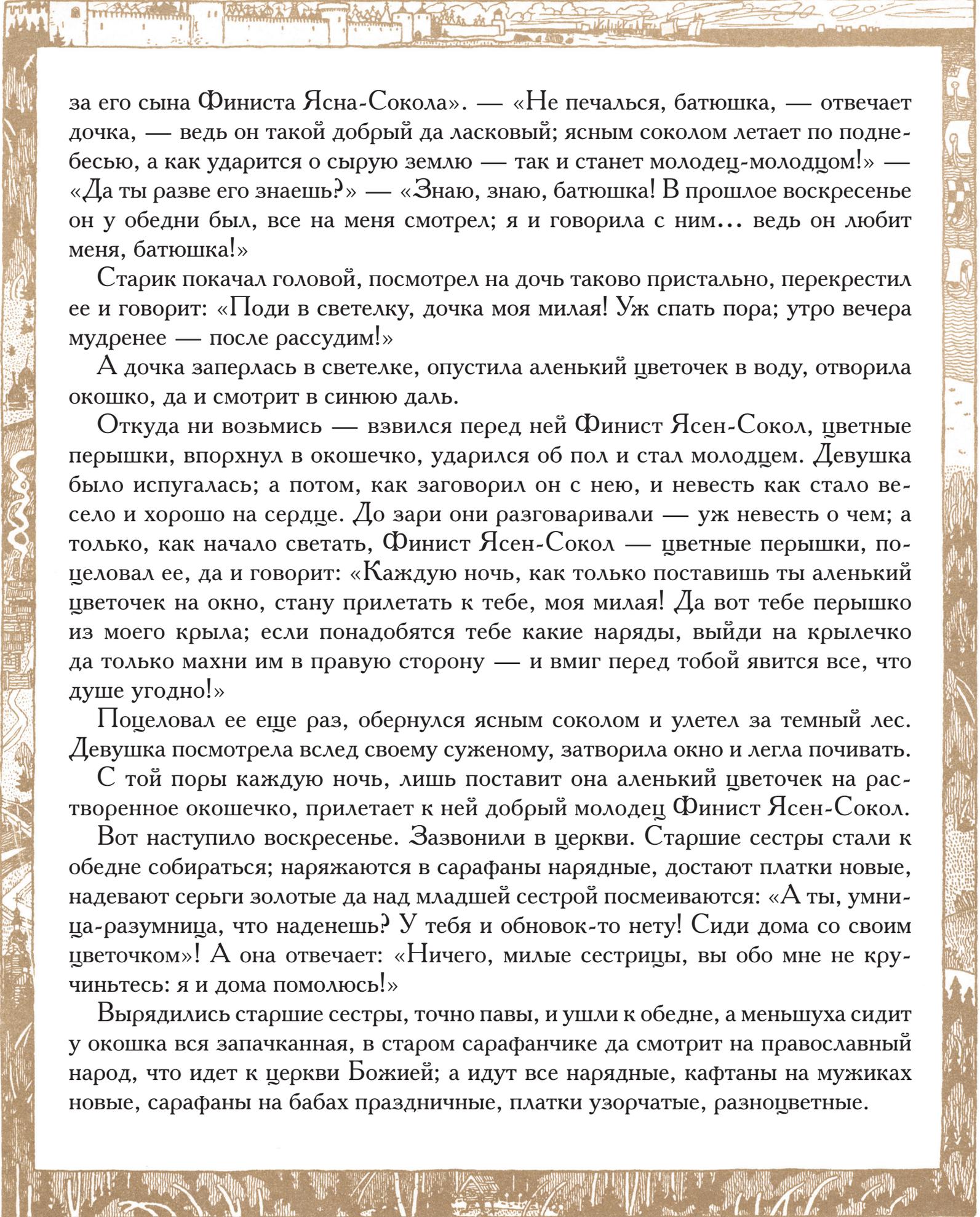
Вот и в третий раз собирается старик в город и спрашивает: «Сказывайте, дочки мои милые, что вам купить». Большие говорят: «Купи нам, батюшка, серьги»; а меньшая опять свое: «А мне, родимый, купи аленький цветочек».

Простился старик с ними, сел и поехал. Купил он золотые серьги; бросился искать цветочек; искал, искал, — никто такого не ведает; опечалился он и поехал из города. Только за заставу выехал, а навстречу ему попадается старый старичок — несет в руках аленький цветочек.

«Продай мне, старинушка, твой цветочек!» — «Он у меня не продажный, а заветный: буде меньшая дочь твоя пойдет за моего сына, Финиста Ясна-Сокола, так отдам тебе цветочек даром».

Призадумался отец: не взять цветочка — дочку огорчить, а взять — надо будет замуж ее выдать, и, Бог знает, за кого! Подумал, подумал да таки взял аленький цветочек. «Что за беда! — думает, — после присватается, да коли нехорош, так и отказать можно!»

Приехал домой, отдал старшим дочерям серьги, а меньшухе отдает цветочек и говорит: «Не люб мне твой цветочек, дочь моя любезная, больно не люб!» А сам шепчет ей потихоньку на ухо: «Ведь цветочек-то заветный был, а не продажный; взял я его у незнакомого старика с уговором отдать тебя замуж»

за его сына Финиста Ясна-Сокола». — «Не печалься, батюшка, — отвечает дочка, — ведь он такой добрый да ласковый; ясным соколом летает по поднебесью, а как ударится о сырую землю — так и станет молодец-молодцом!» — «Да ты разве его знаешь?» — «Знаю, знаю, батюшка! В прошлое воскресенье он у обедни был, все на меня смотрел; я и говорила с ним... ведь он любит меня, батюшка!»

Старик покачал головой, посмотрел на дочь таково пристально, перекрестил ее и говорит: «Поди в светелку, дочка моя милая! Уж спать пора; утро вечера мудренее — после рассудим!»

А дочка заперлась в светелке, опустила аленький цветочек в воду, отворила окошко, да и смотрит в синюю даль.

Откуда ни возьмись — взвился перед ней Финист Ясен-Сокол, цветные перышки, впорхнул в окошечко, ударился об пол и стал молодец. Девушка было испугалась; а потом, как заговорил он с нею, и невесть как стало весело и хорошо на сердце. До зари они разговаривали — уж невесть о чем; а только, как начало светать, Финист Ясен-Сокол — цветные перышки, поцеловал ее, да и говорит: «Каждую ночь, как только поставишь ты аленький цветочек на окно, стану прилетать к тебе, моя милая! Да вот тебе перышко из моего крыла; если понадобятся тебе какие наряды, выйди на крылечко да только махни им в правую сторону — и вмиг перед тобой явится все, что душе угодно!»

Поцеловал ее еще раз, обернулся ясным соколом и улетел за темный лес. Девушка посмотрела вслед своему суженому, затворила окно и легла поживать.

С той поры каждую ночь, лишь поставит она аленький цветочек на растворенное окошечко, прилетает к ней добрый молодец Финист Ясен-Сокол.

Вот наступило воскресенье. Зазвонили в церкви. Старшие сестры стали к обедне собираться; наряжаются в сарафаны нарядные, достают платки новые, надевают серьги золотые да над младшей сестрой посмеиваются: «А ты, умница-разумница, что наденешь? У тебя и обновок-то нету! Сиди дома со своим цветочком!» А она отвечает: «Ничего, милые сестрицы, вы обо мне не кручиньтесь: я и дома помолюсь!»

Вырядились старшие сестры, точно павы, и ушли к обедне, а меньшуха сидит у окошка вся запачканная, в старом сарафанчике да смотрит на православный народ, что идет к церкви Божией; а идут все нарядные, кафтаны на мужиках новые, сарафаны на бабах праздничные, платки узорчатые, разноцветные.

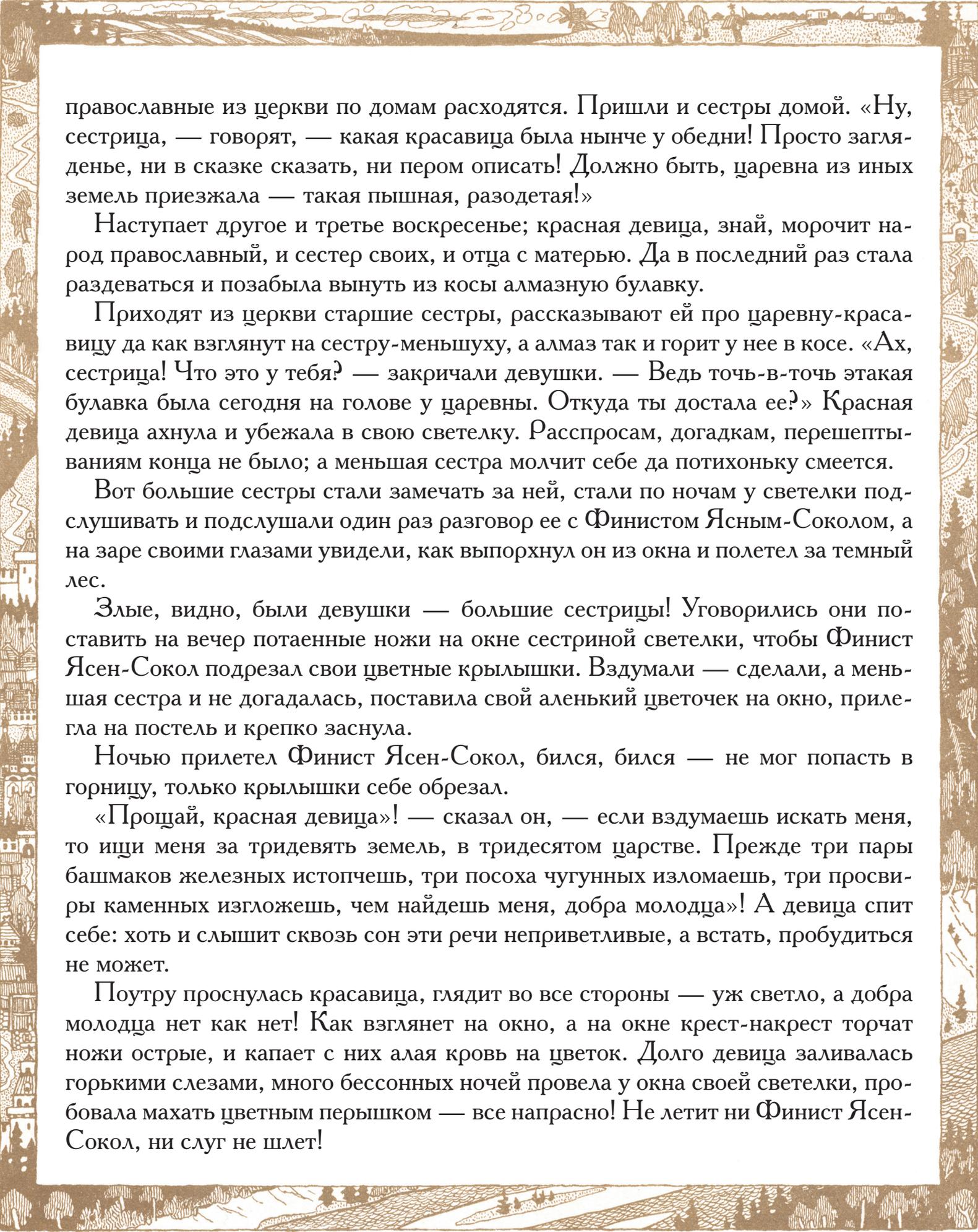

Выждала меньшуха время, вышла на крылечко, оглянулась, махнула цветным перышком в правую сторону, и откуда ни возьмись — явились перед ней и колымага хрустальная, и кони заводские, и прислуга в золоте, и платья, и всякие уборы из дорогих самоцветных камней.

Вмиг оделась красная девица, села в колымагу и понеслась в церковь. Народ смотрит да красоте ее дивится. «Видно, какая-нибудь царевна из тридевятого царства приехала!» — говорят промеж себя люди. Как запели «Достойно», она тотчас вышла из церкви, села в колымагу и укатила назад. Люд православный вышел было поглазеть, куда она поедет; да не тут-то было! Давно и след простыл.

А наша красавица лишь подъехала к своему крылечку, тотчас махнула цветным перышком в левую сторону: вмиг прислуга ее раздела, и колымага из глаз пропала.

Сидит она по-прежнему как ни в чем не бывало да смотрит в окошечко, как

православные из церкви по домам расходятся. Пришли и сестры домой. «Ну, сестрица, — говорят, — какая красавица была нынче у обедни! Просто загля-
денье, ни в сказке сказать, ни пером описать! Должно быть, царевна из иных
земель приезжала — такая пышная, разодетая!»

Наступает другое и третье воскресенье; красная девица, знай, морочит на-
род православный, и сестер своих, и отца с матерью. Да в последний раз стала
раздеваться и позабыла вынуть из косы алмазную булавку.

Приходят из церкви старшие сестры, рассказывают ей про царевну-краса-
вицу да как взглянут на сестру-меньшую, а алмаз так и горит у нее в косе. «Ах,
сестрица! Что это у тебя?» — закричали девушки. — Ведь точь-в-точь этакая
булавка была сегодня на голове у царевны. Откуда ты достала ее?» Красная
девица ахнула и убежала в свою светелку. Расспросам, догадкам, перешепты-
ваниям конца не было; а меньшая сестра молчит себе да потихоньку смеется.

Вот большие сестры стали замечать за ней, стали по ночам у светелки под-
слушивать и подслушали один раз разговор ее с Финистом Ясным-Соколом, а
на заре своими глазами увидели, как выпорхнул он из окна и полетел за темный
лес.

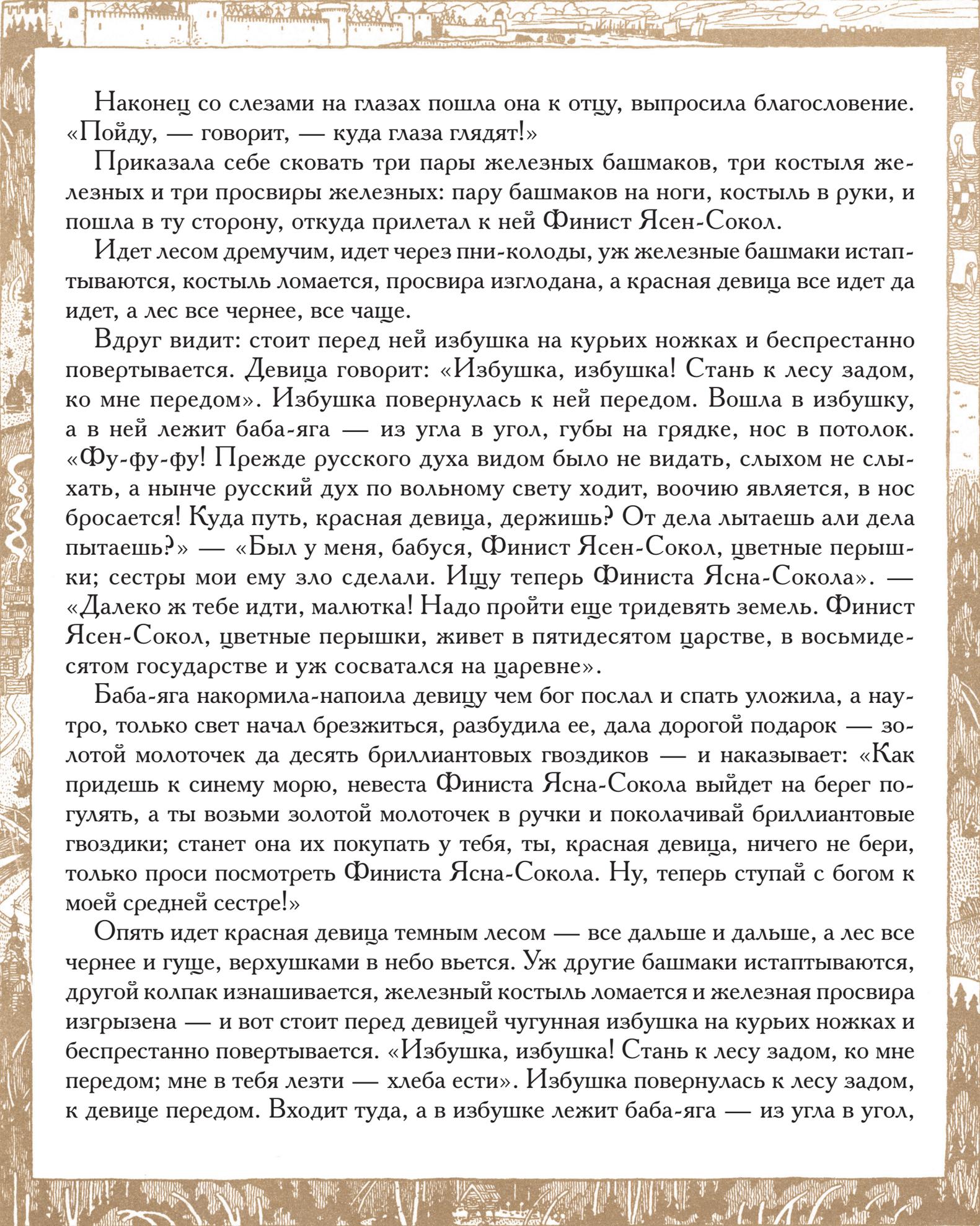
Злые, видно, были девушки — большие сестрицы! Уговорились они по-
ставить на вечер потаенные ножи на окне сестриной светелки, чтобы Финист
Ясен-Сокол подрезал свои цветные крылышки. Вздумали — сделали, а мень-
шая сестра и не догадалась, поставила свой аленький цветочек на окно, приле-
гла на постель и крепко заснула.

Ночью прилетел Финист Ясен-Сокол, бился, бился — не мог попасть в
горницу, только крылышки себе обрезал.

«Прощай, красная девица!» — сказал он, — если вздумаешь искать меня,
то ищи меня за тридевять земель, в тридесятом царстве. Прежде три пары
башмаков железных истопчешь, три посоха чугунных изломаешь, три просви-
ры каменных изложешь, чем найдешь меня, добра молодца!» А девица спит
себе: хоть и слышит сквозь сон эти речи неприветливые, а встать, пробудиться
не может.

Поутру проснулась красавица, глядит во все стороны — уж светло, а добра
молодца нет как нет! Как взглянет на окно, а на окне крест-накрест торчат
ножи острые, и капает с них алая кровь на цветок. Долго девица заливалась
горькими слезами, много бессонных ночей провела у окна своей светелки, про-
бовала махать цветным перышком — все напрасно! Не летит ни Финист Ясен-
Сокол, ни слуг не шлет!

Наконец со слезами на глазах пошла она к отцу, выпросила благословение. «Пойду, — говорит, — куда глаза глядят!»

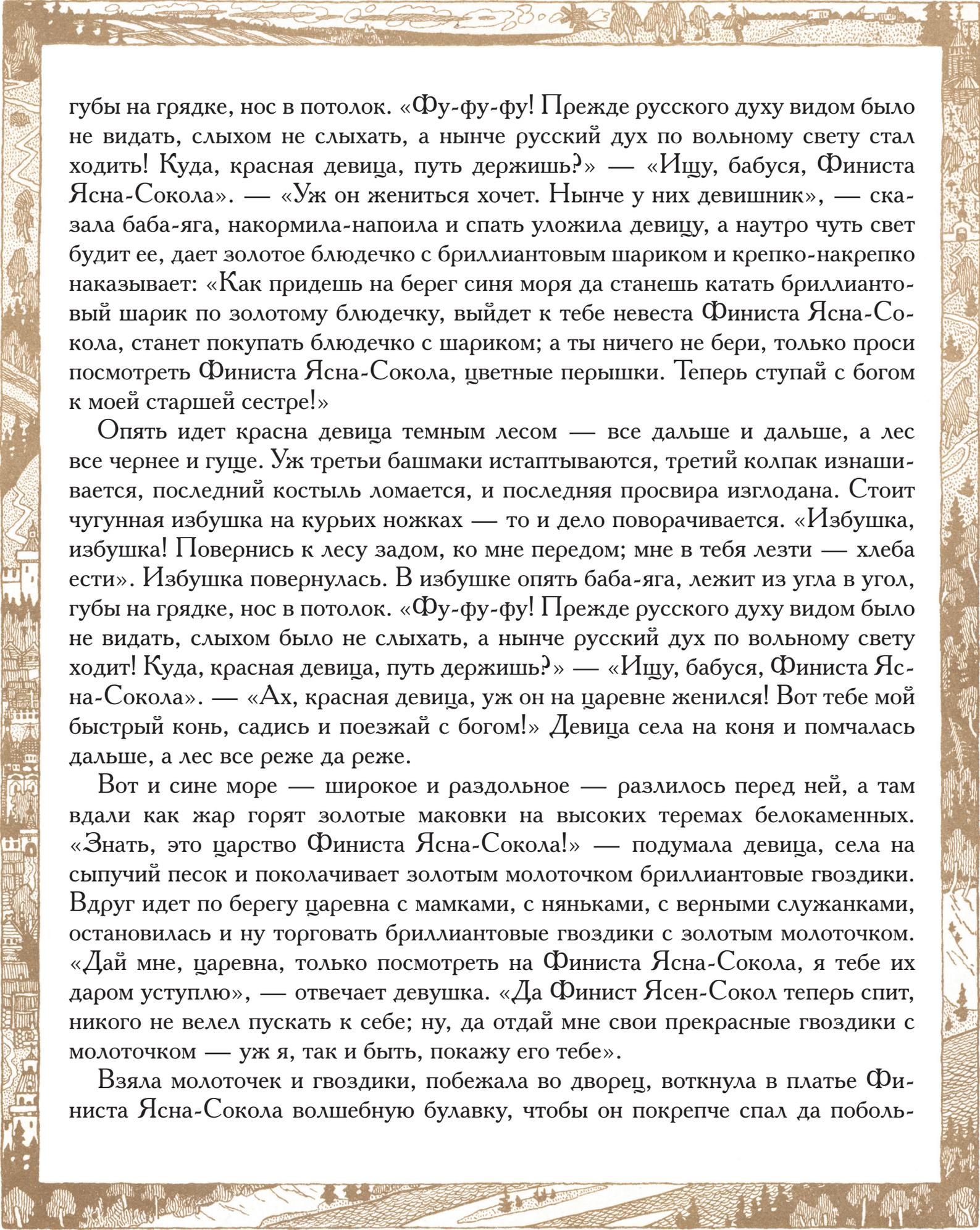
Приказала себе сковать три пары железных башмаков, три костыля железных и три просвиры железных: пару башмаков на ноги, костыль в руки, и пошла в ту сторону, откуда прилетал к ней Финист Ясен-Сокол.

Идет лесом дремучим, идет через пни-колоды, уж железные башмаки истаптываются, костыль ломается, просвира изглодана, а красная девица все идет да идет, а лес все чернее, все чаще.

Вдруг видит: стоит перед ней избушка на курьих ножках и беспрестанно повертывается. Девица говорит: «Избушка, избушка! Стань к лесу задом, ко мне передом». Избушка повернулась к ней передом. Вошла в избушку, а в ней лежит баба-яга — из угла в угол, губы на грядке, нос в потолок. «Фу-фу-фу! Прежде русского духа видом было не видать, слухом не слышать, а нынче русский дух по вольному свету ходит, воочию является, в нос бросается! Куда путь, красная девица, держишь? От дела лытаешь али дела пытаешь?» — «Был у меня, бабуся, Финист Ясен-Сокол, цветные перышки; сестры мои ему зло сделали. Ищу теперь Финиста Ясна-Сокола». — «Далеко ж тебе идти, малютка! Надо пройти еще тридевять земель. Финист Ясен-Сокол, цветные перышки, живет в пятидесятом царстве, в восьмидесятом государстве и уж сосватался на царевне».

Баба-яга накормила-напоила девицу чем бог послал и спать уложила, а наутро, только свет начал брезжиться, разбудила ее, дала дорогой подарок — золотой молоточек да десять бриллиантовых гвоздиков — и наказывает: «Как придешь к синему морю, невеста Финиста Ясна-Сокола выйдет на берег погулять, а ты возьми золотой молоточек в ручки и поколачивай бриллиантовые гвоздики; станет она их покупать у тебя, ты, красная девица, ничего не бери, только проси посмотреть Финиста Ясна-Сокола. Ну, теперь ступай с богом к моей средней сестре!»

Опять идет красная девица темным лесом — все дальше и дальше, а лес все чернее и гуще, верхушками в небо вьется. Уж другие башмаки истаптываются, другой колпак изнашивается, железный костыль ломается и железная просвира изгрызена — и вот стоит перед девицей чугунная избушка на курьих ножках и беспрестанно повертывается. «Избушка, избушка! Стань к лесу задом, ко мне передом; мне в тебя лезти — хлеба ести». Избушка повернулась к лесу задом, к девице передом. Входит туда, а в избушке лежит баба-яга — из угла в угол,

губы на грядке, нос в потолок. «Фу-фу-фу! Прежде русского духу видом было не видать, слыхом не слышать, а нынче русский дух по вольному свету стал ходить! Куда, красная девица, путь держишь?» — «Ищу, бабуся, Финиста Ясна-Сокола». — «Уж он жениться хочет. Нынче у них девишник», — сказала баба-яга, накормила-напоила и спать уложила девицу, а наутро чуть свет будит ее, дает золотое блюдечко с бриллиантовым шариком и крепко-накрепко наказывает: «Как придешь на берег синя моря да станешь катать бриллиантовый шарик по золотому блюдечку, выйдет к тебе невеста Финиста Ясна-Сокола, станет покупать блюдечко с шариком; а ты ничего не бери, только проси посмотреть Финиста Ясна-Сокола, цветные перышки. Теперь ступай с богом к моей старшей сестре!»

Опять идет красна девица темным лесом — все дальше и дальше, а лес все чернее и гуще. Уж третьи башмаки истаптываются, третий колпак изнашивается, последний костыль ломается, и последняя просвира изглодана. Стоит чугунная избушка на курьих ножках — то и дело поворачивается. «Избушка, избушка! Повернись к лесу задом, ко мне передом; мне в тебя лезти — хлеба ести». Избушка повернулась. В избушке опять баба-яга, лежит из угла в угол, губы на грядке, нос в потолок. «Фу-фу-фу! Прежде русского духу видом было не видать, слыхом было не слышать, а нынче русский дух по вольному свету ходит! Куда, красная девица, путь держишь?» — «Ищу, бабуся, Финиста Ясна-Сокола». — «Ах, красная девица, уж он на царевне женился! Вот тебе мой быстрый конь, садись и поезжай с богом!» Девица села на коня и помчалась дальше, а лес все реже да реже.

Вот и сине море — широкое и раздольное — разлилось перед ней, а там вдали как жар горят золотые маковки на высоких теремах белокаменных. «Знать, это царство Финиста Ясна-Сокола!» — подумала девица, села на сыпучий песок и поколачивает золотым молоточком бриллиантовые гвоздики. Вдруг идет по берегу царевна с мамками, с няньками, с верными служанками, остановилась и ну торговать бриллиантовые гвоздики с золотым молоточком. «Дай мне, царевна, только посмотреть на Финиста Ясна-Сокола, я тебе их даром уступлю», — отвечает девушка. «Да Финист Ясен-Сокол теперь спит, никого не велел пускать к себе; ну, да отдай мне свои прекрасные гвоздики с молоточком — уж я, так и быть, покажу его тебе».

Взяла молоточек и гвоздики, побежала во дворец, воткнула в платье Финиста Ясна-Сокола волшебную булавку, чтобы он покрепче спал да поболь-

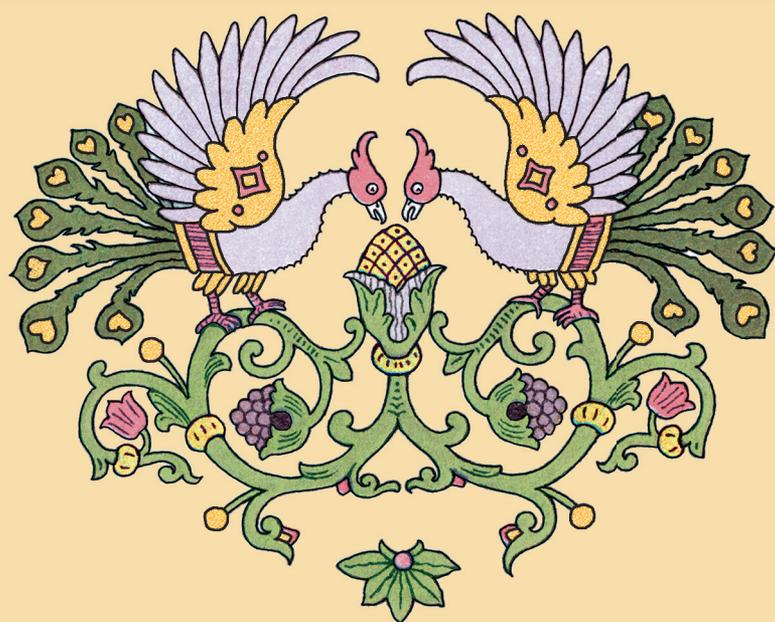
ше от сна не вставал; после приказала мамкам проводить красну девицу во дворец к своему мужу, Ясну-Соколу, а сама гулять пошла. Долго девица убивалась, долго плакала над милым; никак не могла разбудить его... Нагулявшись вдоволь, царевна воротилась домой, прогнала ее и вынула булавку. Финист Ясен-Сокол проснулся. «Ух, как я долго спал! Здесь, — говорит, — кто-то был, все надо мной плакал да причитал; только я никак не мог глаз открыть — так тяжело мне было!» — «Это тебе во сне привиделось, — отвечает царевна, — здесь никто не бывал».

На другой день красная девица опять сидит на берегу синего моря и катает бриллиантовый шарик по золотому блюдечку. Вышла царевна гулять, увидела и просит: «Продай мне!» — «Позволь только посмотреть на Финиста Ясна-Сокола, я тебе и даром уступлю!» Царевна согласилась и опять приколола платье Финиста Ясна-Сокола булавкой. Опять красна девица горько плачет над милым и не может разбудить его. На третий день она сидит на берегу синего моря такая печальная, грустная и кормит своего коня калеными угольями. Увидала царевна, что конь жаром кормится, и стала торговать

его. «Позволь только посмотреть на Финиста Ясна-Сокола, я тебе его даром отдам!» Царевна согласилась, прибежала во дворец и говорит: «Финист Ясен-Сокол! Дай я тебе в голове поищу». Села в голове искать и воткнула ему в волосы булавку — он тотчас заснул крепким сном; после посылает своих мамок за красной девицей.

Та пришла, будит своего милого, обнимает, целует, а сама горько-горько плачет; нет, не просыпается! Стала ему в голове искать и выронила нечаянно волшебную булавку, — Финист Ясен-Сокол, цветные перышки, тотчас проснулся, увидел красну девицу и так-то обрадовался! Она ему рассказала все как было: как позавидовали ей злые сестры, как она странствовала и как торговалась с царевной. Он полюбил ее больше прежнего, поцеловал в уста сахарные и велел, не мешкая, созвать бояр и князей и всякого чину людей. Стал у них спрашивать: «Как вы рассудите, с которой женой мне век коротать — с этой ли, что меня продавала, или с этой, что меня выкупала?» Все бояре и князья и всякого чину люди в один голос решили: взять ему ту, которая выкупала, а ту, что его продавала, повесить на воротах и расстрелять. Так и сделал Финист Ясен-Сокол, цветные перышки!

ISBN 978-609-456-175-7

9 786094 561757 >

EAC

6+